

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

N. K. Chadwick and V. Zhirmunsky. Oral epics of Central Asia. Cambridge University Press, 1969, 366 p.

Выход в свет книги «Устный эпос Центральной Азии» двух авторов — английской исследовательницы доктора Норы К. Чэдвик и советского академика В. М. Жирмунского, изданной Кембриджским университетом — событие весьма знаменательное. Эта работа — результат сотрудничества советской и английской науки — отражает живой интерес в Западной Европе к фольклорным богатствам нашей страны, в частности к героическому эпосу тюркских народов. Этому интересу не приходится удивляться, если вспомнить, что дожившие до наших дней в устном бытовании героические тюркоязычные эпосы и эпические циклы (о Манасе, Алпамыше, Идиге и ногайских богатырях, о Кёр-Оглы и многие другие) отличаются высокими художественными достоинствами, иногда достигают огромного объема («Манас» больше «Махабхараты», не говоря уже о гомеровских поэмах), оставаясь при этом памятниками чисто фольклорными. Их существование доказывает, что эпос достигает классических форм на долитературной стадии развития этого жанра. Знакомство с тюркоязычным эпосом не только открывает неведомые или очень мало известные западноевропейскому читателю оригинальные поэтические произведения, но дает уникальный материал для исследования закономерностей коллективного творчества, происхождения эпоса, соотношения устной и книжной поэзии и т. д.

Рецензируемая книга привлекает внимание к эпосу народов СССР, вводит в науку новые материалы и одновременно пропагандирует (в особенности благодаря информации В. М. Жирмунского) советскую тюркологию и советскую фольклористику, их теоретические достижения и практические результаты. Книга не является коллективным трудом Н. К. Чэдвик и В. М. Жирмунского в буквальном смысле этого слова. Первая ее часть представляет собой переиздание, с незначительными дополнениями, раздела «Эпическая поэзия тюркских народов Центральной Азии» из классического трехтомного компендиума «Развитие литературы», изданного супругами Чэдвик в 1930-х годах¹. Это грандиозный труд, в котором на основе огромного материала (литература и фольклор древних греков, индийцев и евреев, кельтских, германских, славянских, тюркских, малайе-полинезийских и африканских народов) исследуются вопросы формирования эпоса и других относительно ранних форм словесного искусства, проблемы исторической поэтики в сравнительном освещении². После «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского труд Чэдвиков остается самой грандиозной по масштабам попыткой широкого рассмотрения древнейшей стадии литературного процесса. Многочисленные памятники анализируются авторами под определенным углом зрения и по строгой программе: героическая поэзия и сказания; негероическая поэзия и сказания; характеристика «героической» среды; соотношение исторических и неисторических элементов; легенды, гномика, мантика, описательная поэзия; вопросы текстологии и формы бытования, исполнения.

Чэдвики глубоко и подробно разработали проблему «эпического времени» (heroic age) как фона для развития героического эпоса, может быть, при этом несколько пре-

¹ Н. М. Chadwick and N. K. Chadwick, The growth of literature, vol. I—III, Cambridge University Press, 1932—1940. Раздел о тюркском (в первом издании он в соответствии с устаревшей терминологией назывался татарским) эпосе находился в третьем томе.

² Об этом см. Е. Мелетинский, Теория эпоса в современной зарубежной науке, «Вопросы литературы», 1957, № 2; его же, Введение к книге «Происхождение героического эпоса», М., 1963.

увеличивая героический «индивидуализм» и прямые исторические реминисценции в эпических памятниках. Выгрышной стороной этой прекрасной работы было то, что в ней сохранился ценный материал о русской научной литературе, что в те годы встречалось не часто в трудах зарубежных ученых. Проблематика и традиции Чэдвиков нашли продолжение в капитальных работах по сравнительно-исторической поэтике английского академика М. Баура и профессора А. Хэтто. Последний в своем труде широко использует и тюркский эпос, привлекая оригинальные издания на тюркских языках³.

Переизданный труд Норы Чэдвик о тюркских эпосах до сих пор остается на Западе самой солидной и полной работой на эту тему. Она построена по указанной выше программе и охватывает разнообразные аспекты. Основой для исследования тюркских эпосов являются записи Радлова, а также другие фольклорно-этнографические материалы относящиеся к дореволюционному времени. Исключение — русское издание алтайского «Когутэя» (1935 г.). Поэтому, при всей своей ценности, работа Норы Чэдвик не могла быть переиздана без серьезных дополнений. Как известно, за советский период тюркология и фольклористика СССР достигли очень многого, особенно в области собирания и изучения эпоса. Для того чтобы восполнить этот существенный пробел, в рецензируемую книгу была включена вторая, дополнительная часть в виде работы В. М. Жирмунского «Эпические песни и певцы в Центральной Азии», подводящей итог изучению тюркского эпоса в СССР.

Заметим сразу, что в работе В. М. Жирмунского рассказывается о фольклоре не только Центральной Азии, но и о фольклоре тюркоязычных народов Средней Азии, Сибири, Закавказья, о его связях с народным творчеством ираноязычных народов (рассматривается, например, вопрос о таджикской версии Кёр Оглы-Гороглу-Гургули, о традициях иранской классической литературы в народном романе узбеков и туркмен).

Первая глава, названная «Библиографический обзор», содержит не только данную в сносках полную и точную библиографию изданий эпических памятников и сколько-нибудь значительных исследований о них (библиографическими сносками уснащена и вторая глава), но и сведения об истории изучения тюркского эпоса, начиная с работ российских ученых XIX в. (Радлова, Бартольда, Потанина, Мелиоранского, Самойловича, Валиханова, Катанова, Диваева, Худякова, Пекарского, Ястремского, Вербицкого, Никифорова, Шифнера) и кончая фронтальным исследованием эпического фольклора научными силами во всех союзных республиках в наши дни. Историографический раздел дает богатую информацию не только об этапах изучения, но и о характере изданий и степени изученности материала в различных национальных ареалах.

Вторая глава «Эпические сказания» дает краткую характеристику самих эпических памятников: «Алпамыша», «Идиге», «Кёр-Оглы», «Манаса», «Деде-Коркута», богатырских сказок алтае-саянских народностей и якутских олонхо, а также среднеазиатских народных романов.

Третья глава называется «Певцы сказаний» (так же, как известная книга американского фольклориста Альберта Лорда, изучавшего историю развития сербского эпоса, чтобы понять «технику» гомеровского эпоса). Здесь В. М. Жирмунский описывает конкретные формы бытования эпоса, типы среднеазиатских сказителей, особенности их творческой памяти и соотношение традиционных клише с индивидуальной импровизацией; сообщает интересные сведения о «призвании» сказителей, школах, о поэтических состязаниях, о влиянии социальной среды на сказителей. В заключение разбираются проблемы метрики в эпосе тюркоязычных народов.

В работе В. М. Жирмунского собраны основные результаты трудов советских и зарубежных ученых и их коллективных усилий по изучению эпоса тюркоязычных народов, что автором всячески подчеркивается. Не следует при этом забывать, что сам Виктор Максимович, будучи патриархом сравнительной филологии в СССР и германистом по своей основной специальности, много лет изучал тюркский эпос; он исследовал узбекский «Алпамыш» и киргизский «Манас», казахские сказания о ногайских богатырях, огузский книжный эпос «Деде-Коркут», богатырские поэмы алтайцев, хакасов, шорцев, якутов, специальные вопросы тюркской метрики, параллелизмов и т. п.⁴. В очерке

³ См. С. М., В о w r a, Heroic poetry, London, 1962; е г о ж е, Primitive song, London, 1962 и др.; А. Т. H a t t o, Central Asia, «Encyclopedia of Islam», vol. IV, Hamasa, 1965, pp. 115—119; е г о ж е, The birth of Manas, «Asia Major», new series, vol. XIV, pt. II, p. 217—241; «Kukotay and Bok Murun», I—II, «Bulletin of the School of oriental and african studies, Univ. of London», vol. XXXII, part 2—3, 1963.

⁴ В. М. Жирмунский, Х. Т. З а р и ф о в, Узбекский народный героический эпос, М., 1947; В. М. Жирмунский, Среднеазиатские народные сказители, «Известия Всесоюзного географического общества», 1947, № 4; е г о ж е, Сказания об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960; е г о ж е, Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера, «Известия ОЛЯ АН СССР», XVI, 1957; е г о ж е, Огузский героический эпос и «Книга Коркута» («Книга моего деда Коркута»), М., 1962, стр. 131—258; е г о ж е, О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха, «Вопросы языкознания», 1968, № 1, стр. 23—42; е г о ж е, Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки, М.—Л., 1962, стр. 195—240; е г о ж е, Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии, «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 24—65. Им подготовлена также обширная монография «Сказания о ногайских богатырях».

нашли отражение воззрения ученого на эпос тюркоязычных народов, а также сведения о серьезных открытиях, сделанных им в этой области. Так, здесь кратко излагается теория В. М. Жирмунского о генезисе эпоса об Алпамыше из архаических «богатырских сказок», о его распространении и развитии в ходе расселения и этногенеза тюркских племен из предгорий Алтая; об общем с «Одиссеей» древнем источнике темы «мужа на свадьбе своей жены». Рассказывая об эпосе «Манас», ученый выделяет в нем прежде всего отражение эпохи борьбы с калмыками и связи с фольклором других среднеазиатских народов, а не пока что недоказуемые корни в истории енисейских киргизов. Жирмунский делится и результатами изучения им сказаний об Идиге и его потомках («эпическое время» ногайской орды, отражение исторических имен и реалий, введение сказочной темы происхождения его рода от «лебединой девы»). Анализируя письменный эпос XV—XVI вв. «Деде-Коркут», Жирмунский четко выделяет в нем среднеазиатский слой (цикл Казан-алпа), связанный с борьбой огузов и печенегов. Большую ценность представляет характеристика различных стадийных форм эпоса на материале фольклора тюркоязычных народов (богатырская сказка, племенной эпос, вырастающий из той же богатырской сказки или исторического предания, монументальная героическая эпопея, героико-романический эпос и народный роман) и связанной с ними эволюции метрических форм. Исследователь, как нам кажется, совершенно прав в том, что орхон-енисейские надписи не следует трактовать как явление эпической поэзии. Очень существенны наблюдения над жизнью эпоса и типами сказителей, что во многом дополняет в теоретическом плане результаты, полученные ранее при изучении русских былин и южнославянских эпических песен.

Актуальность этой темы усиливается наличием и на Западе в настоящее время двух сильных «школ» (Парри — Лорда и Менендеса Пидалья), рассматривающих классическую форму эпоса как результат традиционного народного искусства и устной техники исполнения. Само собой разумеется, что в изучении тюркского эпоса остаются до сих пор спорные моменты (например, вопрос о поэтическом языке древних эпитафий, об отражении в «Манасе» енисейского периода истории киргизов, о мере историзма в казахских былинах, о путях распространения «Алпамыша» и многое другое), но предложенная в кратком очерке академика В. М. Жирмунского информация с максимальной полнотой и объективностью передает состояние науки на сегодняшний день, ее последние результаты, многие из которых достигнуты благодаря его собственным исследованиям.

Е. М. Мелетинский

В. П. Грицкевич. Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии. Минск, 1968, 232 стр.

История русской этнографии привлекает внимание исследователей уже многие годы¹. Большая работа по изучению прошлого этнографической науки ведется сейчас и в союзных республиках. Естественно, что основное внимание уделяется при этом истории изучения культуры и быта соответствующих народов. Этнография же «зарубежная» в своем историческом развитии исследована пока мало, а на местах в этой области делаются только первые шаги. Поэтому положительно следует оценить публикацию работы минского исследователя В. П. Грицкевича, посвященную путешествиям уроженцев Белоруссии.

Будучи по специальности врачом и историком медицины, автор обращается к этнографическим сюжетам не во всех своих очерках. Но несмотря на это его книга вводит в оборот немало интересных этнографических материалов по зарубежным странам. Ценны для читателя и приводимые автором списки литературы, так как некоторые из упоминаемых произведений публиковались только по-польски и остались, таким образом, не известны нашему читателю. Интересен, например, материал о Саломее Русецкой, женщине-враче, много путешествовавшей в XVIII в. по Юго-Восточной, Юго-Западной, Западной Европе и Востоку. В своих записках она много места уделяет описанию культурно-бытовых особенностей тех народов, среди которых ей доводилось жить. Особенно интересны наблюдения над домашним и семейным бытом турок; автор приводит материалы, которые исследователю-мужчине получить в то время было бы просто невозможно.

Впервые на русском языке знакомимся мы и с материалами, рассказывающими о путешествии Александра Салегги по Истрии, Далмации и Герцеговине в начале XIX в. Но наибольшую ценность в интересующем нас плане представляет та часть книги В. П. Грицкевича, которую он озаглавил «По новому свету». Она состоит из разделов о Ю. У. Немцевиче (1757—1841), И. Домейко (1802—1889), К. Ельском (1837—1896) и Н. К. Судзиловском (1850—1933). Остановимся на них подробнее.

Юлиан Урсин Немцевич — один из первых европейских путешественников по Соединенным Штатам. Он прожил там с перерывами около десяти лет (с 1797 по 1807 г.) и дал, как отмечает автор книги, первое в славянских литературах XIX в. описание

¹ Итогом этих исследований явилась обобщающая работа С. А. Токарева «История русской этнографии (дооктябрьский период)». М., 1966.